

Фенно-Угрия
80

Фестиваль
культуры в
Саранске

Fenno-Ugria infoleht

Экспедиция
к сибирским
эстонцам

Увидел свет
«Календарь
финно-угорских
народов
2008—2009»

ОКТАБРЬ 2007 (3/38) X год издания

[• Учреждение Фенно-Угрия отмечает 80-летие](#) • [Мы представляли Эстонию на фестивале культуры финно-угорских народов в Саранске](#) • [Коми или русский – вот в чем вопрос](#) • [Путевые заметки. Вместе с Генрихом Латвийским в краю синих коров](#) • [Об экспедиции Эстонской художественной академии к сибирским эстонцам](#) • [Пять дней в Удмуртии вместе с хвостом, рогами и словами](#) • [Долгий путь марийских детей в лагерь отдыха Клоогаранд](#) • [Что тянет меня обратно в Удмуртию?](#) • [Лагерь финно-угорской молодежи на Хийумаа](#) • [Увидел свет «Календарь финно-угорских народов 2008—2009»](#)

FENNO-UGRIA 80

Учреждение Фенно-Угрия отмечает 80-летие

Як Прозес
Инициатор возрождения Учреждения
«Фенно-Угрия»

Появление на карте мира Эстонии, Финляндии и Венгрии как самостоятельных государств, в которых государственным был один из финно-угорских языков, создало предпосылки для развития взаимного сотрудничества финно-угорских народов.

Наибольшую активность проявляли финны, создавшие ряд соответствующих организаций, а также положившие начало традиции регулярных финно-угорских конгрессов по проблемам образования и культуры. Состоявшийся в 1924 году в Таллинне II Финно-угорский конгресс по образованию принял решение об основании в Эстонии, Финляндии и Венгрии организаций, которые занимались бы координацией сотрудничества между финно-угорскими народами.

В наше время трудно представить себе развитие сотрудничества с финно-угорскими народами без Учреждения «Фенно-Угрия». Тогда же всерьез предполагалось, что эту роль может исполнить одна из уже существовавших организаций, на-

пример Общество родного языка. В конце концов все же стало понятно: необходима ассоциация, которая объединит как государственные учреждения, так и общественные организации.

Таковой стало основанное в 1927 году Учреждение «Фенно-Угрия», начальный капитал для деятельности которого предоставил тогдашний глава государства Константин Пятс. В создании ассоциации участвовали первый из эстонцев куратор Тартуского университета Пеэтер Пылд, советник по делам школ Густав Оллик и Константин Пятс, исполнительным руководителем в 1927–1940 гг. был Александр Вейдерма. Для распространения информации о новой организации и о финно-угорских народах издавался журнал «Eesti Nõim» (Эстонское племя) поначалу под редакцией преподавателя Тартуского университета Виллема Эрнитса, а затем преподавателя того же университета Ало Рауна, защитившего в 1942 году докторскую диссертацию на тему «Сравнение в финно-угорских языках».

Основной деятельностью Учреждения «Фенно-Угрия» была подго-

товка конгрессов по культуре как важнейших событий финно-угорского мира. В рамках этих конгрессов развитием финно-угорского сотрудничества наряду с лингвистами занимались врачи, юристы, члены обществ трезвости и т.д. Совершались поездки друг к другу, иногда даже на специальных судах или поездах, ведь в конгрессах участвовало, как правило, более тысячи делегатов.

Второй важной задачей «Фенно-Угрии» было проведение дней родственных народов, начало которым было положено в 1929 году и которые превратились во всеэстонское мероприятие. В рамках дней родственных народов проводились сотни собраний и большие концерты. Правительства Эстонии, Финляндии и Венгрии в связи с этим обменивались приветственными телеграммами.

В первое время много внимания уделялось общинам зарубежных эстонцев, позже все большая поддержка оказывалась ливам. «Фенно-Угрия» публиковала учебную литературу на ливском языке, а также содействовало строительству Ливского народного дома, которое завершилось в 1939 году. Гораздо

сложнее было оказывать поддержку финно-угорским народам, проживающим в России, а также сотрудничать с ними, поскольку даже незначительные контакты становились роковыми для представителей национальной интеллигенции.

Учреждение «Фенно-Угрия» было закрыто в 1940 году. До этого организация успела еще обеспечить летним отдыхом оставшихся сиротами детей участников Зимней войны.

Для Эстонии 50 лет оккупации все же не означали прекращения финно-угорских контактов, хотя сферы да и деятели изменились. В этот период активизировались в первую очередь научные связи, при этом по инициативе академика Пауля Аристэ Тартуский государственный университет превратился в важнейший финно-угорский научный центр. Под руководством профессора Кальё Пыллу Эстонский государственный художественный институт (ныне Эстонская художественная академия) начал проводить экспедиции к финно-угорским народам, а Эстонский этнографический музей (ныне Эстонский национальный музей) при директоре Алексее Петерсоне осуществлял значительные исследования в области этнографии финно-угорских народов.

Однако в то же время такие понятия, как движение родственных народов, дни родственных народов и Фенно-Угрия были под запретом.

Вопрос воссоздания «Фенно-Угрии» встал на повестку дня лишь весной 1990 года. К тому времени в Эстонии появились организации, развивающие контакты с финно-угорскими народами. В России же финно-угорские народы переживали тогда т.н. пробуждение национального самосознания: созывались национальные конгрессы, основывались национальные и культурные организации (например, финно-угорские ассоциации театральных деятелей, писателей и молодежи).

Однако немногочисленные и действующие на общественных началах, эти общества не имели сил для успешного участия в международном финно-угорском сотрудничестве. Появилась потребность в сильной центральной организации. Так, 19 апреля 1991 года в газете «Rahva Hääl» и 20 апреля в газете «Päevaleht» появилось обра-

зование Уральского общества, Эстонско-марийского общества и Эстонского объединения саамов с призывом о возрождении Учреждения «Фенно-Угрия»: «... мы нуждаемся в объединяющем звене – центральной организации, которая способствовала бы обмену информацией и предлагала материальную помощь... ждем его возрождения и поддержки от всех эстонских и других объединений родственных народов, от организаций и учреждений, заинтересованных в нашем общем деле, и от тех, которые входили в «Фенно-Угрию» как коллективные члены в времена Эстонской Республики».

Учредительное собрание по воссозданию «Фенно-Угрии» как некоммерческого учреждения состоялось 30 мая 1991 года в здании Института эстонского языка и литературы. 31 мая в газете «Päevaleht» было опубликовано сообщение: «В собрании по воссозданию приняли участие представители 50 учреждений, организаций, национальных обществ и объединений... Учреждение «Фенно-Угрия» – это инициативная организация и правопреемница той, что существовала в период независимости, первоочередная задача которой развивать культуру, образование и науку финно-угорских и саамских народов».

Первым серьезным предприятием организации стало возрождение традиции дней родственных народов, которые быстро превратились в масштабное и многоплановое мероприятие. В рамках дней родственных народов проводятся научные конференции, составляются тематические выставки и организуется множество фольклорных концертов как в больших залах, так и в сельских школах.

Учреждение «Фенно-Угрия» помогло получить высшее образование в Эстонии более чем 200 студентам, представителям проживающих в России финно-угров, причем многие из них успешно закончили докторантуру.

Существенно расширились и приобрели большее значение внешние контакты. Начиная с 1993 года Учреждение «Фенно-Угрия» представляет Эстонию в Консультативном комитете финно-угорских народов, а также оно выступило посредником при заключении договоров о сотрудничестве в области культуры и

образования между Эстонией и Коми Республикой, Марий Эл, Удмуртией.

Как новая сфера контактов была выделена тема этнофутуризма и «Фенно-Угрия» провела первые соответствующие конференции. В настоящее время этнофутуризм получил довольно широкое распространение в среде творческой интеллигенции финно-угорских народов России.

Все большее внимание «Фенно-Угрия» уделяет и существующим в Эстонии культурным обществам финно-угорских народов. Она способствовала основанию мордовского и удмуртского обществ, а также помогает отмечать национальные праздники финно-угорских народов.

В 1996 году при «Фенно-Угрии» начал свою работу Инфоцентр финно-угорских народов, который издает информационные бюллетени и свою домашнюю страницу в Интернете (www.fennougria.ee), а также организует семинары по проблемам финно-угорского сотрудничества в области информации и масс-медиа.

«Фенно-Угрия» была основным организатором проходивших в Эстонии VI Фольклорного фести-валя финно-угорских народов (1997), II Конгресса финно-угорских историков (1998) и IV Всемирного конгресса финно-угорских народов (2004). В последнем приняли участие около 700 представителей финно-угорских народов, в том числе президенты Эстонии, Финляндии и Венгрии.

К нашему времени «Фенно-Угрия» сложилась как центральная неправительственная организация по развитию, координации и поддержке сотрудничества финно-угорских народов, в 2007 году она отметила свое 80-летие.

Финно-угорский вопрос – это проблема нашего мировоззрения и перцепции пространства. Не уделяя ему должного внимания, мы подвергаем опасности наше национальное самосознание, родной язык и культуру. Забвение финно-угорских народов России грозит нам превращением в «дерево без корней». Что ждет дерево, утратившее корни, мы знаем, а вот что случится с народом, который не знает своих корней, можно только догадываться.

Текст опубликован также в «Календаре финно-угорских народов 2008 – 2009» (ред.)

Мы представляли Эстонию на фестивале финно-угорской культуры в Саранске

Керсти Сеппер
Директор Учреждения «Фенно-Угрия»

Нужно сразу отметить, что приглашение на фестиваль мы получили в последнюю минуту. Всего за две недели до открытия фестиваля атташе по культуре Посольства Эстонии в Москве предложила привезти в Саранск ознакомительную выставку об Эстонии.

Поскольку вся информация поступила слишком поздно, чтобы основательно подготовиться, первоначальную концепцию выставки пришлось изменить, тем более что российская сторона потребовала, чтобы выставка была предметная и учитывала также исторический аспект.

Организаторы высказали пожелание, чтобы мы захватили с собой этнографические экспонаты и продемонстрировали их, в том числе и образцы домашней утвари. Осознавая, как трудно за неделю, которая практически была в нашем распоряжении, собрать музейное имущество, застраховать его и оформить документацию, в сотрудничестве с международным отделом Министерства культуры мы приняли решение укомплектовать выставку работами мастеров и художников Эстонского союза ремесленников.

Решили отправиться из Эстонии в Саранск втроем. Вместе со мной сын Экке-Таави, который помогал при транспортировке и техническом размещении экспонатов, и присоединившаяся к нам в Москве Андра Вейдеманин, с которой мы отлично сработались.

Для выставки мы приобрели три ткани с национальным узором (из нее шьют юбки для народного костюма) и льняную ткань. Этими тканями мы декорировали стены предоставленной нам избы. Из вязанных вещей выбрали свитера, шапки, носки, рукавицы и плед –

все с вышивками или этнографическими узорами разных уездов Эстонии. Домашнюю утварь представляли разрисованные тарелки, кружки и чашки, на последних повторялись узоры национальных юбок и вышивок с рукавиц, на кружках – узор тканей, висевших на стенах.

Кроме того, мы привезли деревянные куклы в национальных

Эстонский флаг исчез с флагштока до официального закрытия фестиваля. Фото: Керсти Сеппер

костюмах, которые были прикреплены к металлу. В соответствии с требованием организаторов мы украсили свой домик флагом и гербом Эстонской Республики, а вход в него – маленькими флажками.

Техническое решение всей выставки мы продумали еще дома. Наша выставка была объемной: все чулки-гольфы, носки и шапки мы заполнили пенопластом и развесили на разной высоте, чтобы они были видны издали, но чтобы они составляли и единое целое. То же мы проделали с вязанными вещами и пледом. Коллекцию посуды разместили на столе на юбочной ткани из Мустьяла, на которой посуда хорошо смотрелась. Сами все дни провели в национальных костюмах, что удачно дополняло визуальное сочетание.

В Саранске как журналисты, так и простой народ проявляли к Эстонии и эстонцам очень большой интерес. Уже хотя бы потому, что в культурной программе церемонии открытия выступали эстонцы, о прибытии туда которых мы ничего

не знали и позже ничего о них не слышали. Так же были представлены эстонцы и среди кузнецов.

Еще до открытия нашей выставки для посетителей на ней побывали президенты Финляндии и России Тарья Халонен и Владимир Путин вместе с премьер-министром Венгрии Ференцем Дюрчани. Тарья Халонен беседовала со мной по-эстонски, очень одобрила выставку и то, что мы приехали туда. Беседа на эстонском языке привела в замешательство переводчиков и мне показалось, что госпожа Халонен на это и рассчитывала, во всяком случае, она наблюдала это не без удовольствия.

Путин спросил у меня, как мне нравится в Саранске, на что я ответила, что нравится, и в свою очередь спросила у него (наверно, нарушая этикет), как ему понравилась выставка, конечно, он ответил тем же. Госпожа Халонен на это произнесла громко и ясно на эстонском языке, что выставка очень красивая.

Сразу после открытия выставки народ прямо повалил на нее, так что мы вынуждены были через пару часов воспользоваться регулирующей лентой.

Посетителей мы угощали хийумааским хлебом ручной работы. Все содержимое нашего большого чемодана – книги и другие печатные издания – исчезли в течение первых 3–4 часов, поскольку мы их не продавали, а раздавали желающим бесплатно. Люди проявляли серьезный интерес к Эстонии, они не хватали печатные издания просто на память. Мы втроем активно общались с посетителями все время и на самые разные темы.

Поскольку у нас с собой были и книги на русском языке об эстонском национальном костюме с цветными иллюстрациями (в

конце концов, мы подарили их Ханты-Мансийскому центру культуры и библиотеке Удмуртского педагогического института), то у нас была возможность рассказывать о происхождении экспонатов выставки и показывать по карте, где какой приход находится.

В последний день работы выставки мы раздали все флажки детям, чтобы они могли размахивать ими по дороге домой. Ведь еще до

окончания заключительного концерта со всех флаштоков были сняты эстонские флаги, тогда как все остальные флаги оставались на месте. Не знаю, было ли это дело рук слишком рьяных фанатов Эстонии или за этим скрывались совсем другие силы.

Очень важно, что Эстония участвовала в этом фестивале, хотя и только с выставкой. В сложившейся политической обстановке необхо-

димы новые контакты и создание позитивного впечатления об Эстонии и эстонцах. Таково же мнение нашего атташе по культуре Андры Вейдемана, которая выразила надежду, что этот проект не останется последним в нашем сотрудничестве. Нам уже поступило предложение в будущем году, когда Эстонская Республика будет отмечать свое 90-летие, провести в Саранске Дни эстонской культуры.

Коми или русский – вот в чем вопрос

Як Прозес
Учреждение «Фенно-Угрия»

В Сыктывкаре завершил свою работу VIII Конгресс Молодежной ассоциации финно-угорских народов, одной из старейших организаций, объединяющих финно-угорские народы, которая была основана в 1990 году. Впервые форум проходил без участия эстонцев, финнов и венгров, что еще раз указывает на приметы раскола в сотрудничестве финно-угорских народов. На конгресс прибыли представители 23 организаций, т.е. более половины организаций из всех финно-угорских регионов России.

Поскольку финно-угорскому движению на фестивале культуры в Саранске (Мордовия) дал свое благословение сам президент Владимир Путин, в конгрессе приняло активное участие руководство республики. Глава Коми Республики Владимир Торлопов обещал ассоциации большую идеологическую и материальную поддержку. Он отметил, что в последнее десятилетие финно-угорское движение заметно активизировалось, а потому возросло и внимание государства к проблемам финно-угорских народов.

На конгрессе был одобрен отчет президента, мариийца Василия Петрова, о проделанной работе. Петров отметил: несмотря на то, что ассоциация сейчас переживает не лучшие времена, удалось решить главную задачу – активизировать национальную сельскую молодежь. Ассоциация приняла новых коллективных членов – Молодежную ассоциацию финно-угорских народов Башкортостана и коллектив редакции молодежной газеты «Йолёга» из Коми Республики.

Многие делегаты критиковали работу ассоциации последних лет. С острой критикой выступила экс-

Алексей Рассыхаев. Фото: Артур Артеев

президент объединения Нина Нестерова из Коми Республики. По ее мнению деятельность организации идет на спад и ярким примером этого является отсутствие на конгрессе представителей Эстонии, Финляндии и Венгрии.

«Сегодня созданы все условия, основаны финно-угорские центры в Сыктывкаре и Саранске, которые могут помочь ассоциации», заявила Нестерова. Она предложила создать на конгрессе новую рабочую секцию «Ассоциация – проблемы и перспективы». Другие дискуссионные секции назывались «Масс-медиа», «Европолитика и право», «Национальная эстрада», «Национальное образование» и «Сельская молодежь, язык и культура».

Лидеры молодежного объединения во время конгресса сосредоточили свое внимание на обновлении устава и программы, чтобы расширить возможности организации, поскольку основные сложности возникли в связи с отсутствием статуса юридического лица и финансовыми проблемами.

На конгрессе был принят план работы на 2007–2009 гг., по которому, например, в 2008 году должен состояться финно-угорский открытый университет в Удмуртии и фестиваль этномузыки в Марий Эл.

Очень напряженно проходили выборы нового президента ассоциации. Состоялось принципиальное обсуждение на тему, может ли быть президентом организации русский. А именно, кандидатом на этот пост выдвигался популярный и среди коми молодежи радиожурналист и бывший дискор, но русский по национальности Илья Зубов. В конце концов собравшиеся пришли к выводу, что финно-угорский мир этого просто не поймет и в последний тур выборов Зубов просто не прошел.

Все же тема оказалась столь актуальной, что в заключительные документы конгресса, которые касаются изменений в уставе, была внесена оговорка, что президентом ассоциации должен быть представитель финно-угорского народа, владеющий своим родным языком. Председателем ассоциации был избран Алексей Рассыхаев 28-ми лет, ученый-фольклорист и заместитель председателя молодежной организации «Ми» (Мы).

Следующий конгресс решено провести в 2009 году в Карелии, в Петрозаводске. И тут встает вопрос, будет ли следующий президент карелом, вепсом или ингерманландским финном, ведь до сих пор по традиции президентом становился представитель того народа, который принимал конгресс.

С Латвийским Генрихом в краю синих коров

Маргит Лангеметс
Институт эстонского языка

Ливская поездка 2007

В августе в очередной поездке по ливскому краю вместе с ливами, эстонскими и финскими специалистами по ливам, с изучающими ливский язык, участниками финно-угорского движения и другими друзьями ливов, четко ощущалось дуновение истории: вечное присутствие земли, моря и когда-то живших здесь людей, бывшая мощь ливов и следы этого сегодня.

Я отдаю себе полный отчет в том, что во многом такие ощущения питаются упорством, силой духа и бурной деятельностью ливов нового времени – примерно так финны в конце 1980-х – начале 1990-х вздыхали по настроениям в Эстонии. И рядом с этой свежей силой декадентский душок брэнности, когда под воздействием (со)знания начинаешь замечать и помнить все отсутствующее, насильно прерванное и угасающее.

На этот раз поездка была посвящена памяти финского ученого, друга ливов Мауно Коски, о котором в день его именин рассказывали Сирпа Коски, Карл и Сандер Паюсалу.

В автобусе ходил по рукам фотоальбом Мати Хинта о поездке к ливам в 1961 году с живописными черно-белыми снимками узкоколейной железной дороги (*piški bān*), по которой можно было ездить между Венцпилсом и ливскими деревнями. Теперь местами даже железнодорожной дамбы не осталось, не говоря уже об опустевшей деревне Ира, где места бывших хуторов отмечены табличками, прикрепленными к деревьям. Среди живых из тех, кто изображены на снимках, теперь уже нет ни ливов, ни Эрика Тедера, ни Эдуарда Вяэри – бывших спутников Мати Хинта в той экспедиции. По крайней мере, для меня поездку обрамляют, с одной стороны, написание Мати Хинта, как «все, и эта поездка тоже, станет историей», с другой, новая, полнокровная ливская жизнь.

Ливонская хроника Генриха

Без Генриха Латышского не обойтись, если речь идет о ливах – молодого человека, которому по прибы-

тии в Ливонию предположительно было 18 лет – чаще всего считали немцем, а также латышом, но тогда почему бы не ливом, если он при записи топонимов предпочитал ливскую форму латышской. Историки считают «Ливонскую хронику Генриха» правдоподобным рассказом, примерно так же воспринимаются и языковые данные Генриха, просто восхищаются его филологические размышления.

Местами с его пристрастностью хочется поспорить, что и делали все наши гиды: Тапио Мякеляйнен, Валт Эрнштрейт, Карл Паюсалу, Тийт-Рейн Вийтсо и Мати Хинт. Недавно этим же занимались, например, Андрей Хвостов в тексте своей драмы «Генрих» или Андрес Эхин в поставленной этим летом пьесе «Волкуин у крепости Варбола, или роковое пари». Медиевистов тоже волнует суть той эпохи: был ли это процесс расширения Европы (принесший сюда письменность), ссора всех со всеми или общая борьба за свободу, согласно народной молве.

В отношении истории языка Ливонская хроника представляет собой тот источник, который содержит первые зафиксированные слова эстонского и ливского языков: известная ироничная фраза *Laula, laula, pappi!* 'Пой, ласточка, пой', досл. 'пой, пой, папаша', не объяснимое однозначно *magetac*, признаваемое ливским выражение *Maga magamas* букв. 'проспав' и толкуемое как крик о помощи *Tharapita*. Как единичные, встречаются четыре слова: *kihelkond* 'приход', военные *malev* 'дружина' и *maja* 'дом' (лагерь дружины), *vaip* 'герб'. Из ливских личных имен упомянуты *Ylo* (в произношении /ilo/) *Viezo* (ср. эстонское *Viitso*), ливские старейшины *Ako* и *Caupo* (вопросы к спутникам: Каупо был предателем или героем? Почему Ако поставлен памятник, а Каупо нет? Пауль Алвре высказал удивление, что у ливов мало имен, почерпнутых в природе, а работает скорее модель *nomen est omen*, иначе говоря, имя дано по основной черте характера (но так ведь и у других народов).

Особенно красноречивыми кажутся, когда находишься в пути и читаешь путевые указатели, топо-

нимы. Очень странным кажется название *Jennas*, которое в свое время записал, опрашивая ливского информанта, Шётгрен, на современной табличке с названием деревни на обочине пыльной гравийной дороги, которая петляет по берегу Пюхайьги (Светупе). Как утверждает Карл Паюсалу, по дороге из Эстонии в сторону Риги, ливское происхождение в названиях можно обнаружить, начиная с Тахкуранна, а после мыса Лайгасте (ср. ливское *laiga* 'широкий') латышские топонимы с окончанием -жи (Айнажи, Лимбажи, Кивижи) отражают ливский материал как раз в виде этого окончания. И, наконец, названия с начальным компонентом *Liv-*, *Lib-* или *Libie-* несомненно связаны с ливами! К общей прибалтийско-финской лексике относятся и многие ландшафтные слова.

Территория прежней (времен Генриха) Ливонии (*Lyvonia*) занимала большую часть современной Северной Латвии, старинные ливские поселения находились по берегам трех больших рек: Салатси, Койва (Гауя) и Вяйна (Даугава). Мы проехали много населенных пунктов, назову лишь некоторые: Стайцелле, Лемсалу (Лимбажи), Вынну (Цесис), Сигулда, Турайда, Лиелварде, Юкскула (Икшкиле), Рига, курляндские прибрежные деревни, Вентсилс. Большинство из них встречается у Генриха: *Saletsa, Sygewardde, Thoreyda, Koiwa, Ykeskola, Riga*.

В Курляндии Генрихом зафиксирован лишь один топоним: *Winda* (Вентспилс, у ливов *Väänta* – вопрос к Тийту-Рейну Вийтсо: кто были венды?). В Юкскула (ливское *Ykeskola*), где епископ Мейнхард в 1185 году построил первую католическую церковь, Карл Паюсалу рассказал нам несколько соперничающих между собой версий по поводу этого загадочного названия.

Ливское дело и латышская забота

Вопрос, который не оставляет меня и после поездки: что дальше? Конечно, удобно и радостно видеть, что ливские дела идут по-новому, что вот уже 13 лет исполнялось «утопическим» предприятиям фантастической четверки из Ливского центра культуры – Рената Блумберга, Гундега Блумберга, Байба Дамберга и Вальт Эрнштрейт.

У Царникавского Ливского культурного центра: Ренате Блумберга, Байба Дамберга, Гундера Блумберга и Вальт Эрнштрейт.
Фото автора.

Считается, что культуру сохранить легче, чем язык, поэтому и думаю, что же все-таки будет с ливским языком? Оживет ли он? Станет ли он «в какой-то мере употребляемым языком», как в свое время (1977) писал Пауль Алвре об удавшейся попытке патриотов п-ва Корнуолл возродить корнский язык через 150 (!) лет после смерти торговца рыбой, который считался последним носителем этого языка? На земле ливов положение почти такое же: они любят и изучают своеобразную культуру своих предков, их историю и язык, созданы общества, публикуются книги, учебники и словари, организуются курсы по изучению языка, исполняются песни, сочиняются стихи, произносятся речи на ливском языке. Не исключено, что придет время, когда владеющие в настоящее время ливским языком, сами займутся словообразованием с помощью исконных ливских аффиксов, будут строить свой язык.

И, наконец, о поддержке и политике государства: язык и культура – это неплохо, но если рука государства слаба и отношение прохладно, энтузиазма ливов и их друзей не хватит. Между прочим, тот же принц Луи Люсьен Бонапарт (племянник Наполеона), который будучи страстным любителем малых языков помог поставить памятник корнскому языку и последнему корнцу, в 1863 году поддержал

и ливское дело, финансируя Вийдемана в редактировании и публикации книг на ливском языке.

Як Прозес однажды сказал, что Россия могла бы брать пример с Латвии в отношении к своим коренным народам – и он прав в этом – но, как это всегда бывает, можно и лучше и больше, денег всегда не хватает. Как эстонке, мне уместно отметить здесь, что закон о национальной автономии, идеи которой зародились в многонациональной Австрии, впервые в мировой истории был принят в Эстонской Республике (в 1925; вторично в 1993). Правда, численность группы должна превышать 3000 человек... Рамовую конвенцию Совета Европы, защищающую права национальных меньшинств, в которой численность народа не указана, Латвия ратифицировала совсем недавно, в 2005 году (в Эстонии это произошло в 1998 году).

Если посмотреть на положение корнского языка в наше время (сведения 1993 года), то его правовой статус отмечен как «частично признанный», численность носителей до 1000 (!). В то же время он не используется в администрировании, не изучается в школе, но издается пара журналов, книги и ВВС еженедельно транслирует одну пятиминутную передачу на корнском языке. У Латвийского государства много дел впереди: например, на

Ливском побережье ливские географические названия написать на указателях рядом с латышскими, то же на карте Латвии и особенно на карте Курляндии; поместить в учебники по истории Латвии отдельный раздел о ливах, способствовать развитию ливской периодической печати и Интернета, вдохнуть жизнь в культурный центр деревни Ира. Проще говоря, «помочь ливам построить ливов», как сказал когда-то Вальт.

Синие коровы

И наконец, эти синие коровы – существуют ли они в действительности? Или же это таинственные образы из ливских легенд, которые время от времени появляются из моря, чтобы потом опять исчезнуть в море? Да, мы видели (Неле, кажется, не видела) из окна автобуса корову, которая не была ни коричневой, ни желтоватой, как остальные в стаде, но была ли она синей? И если она была синей, была ли она Той Настоящей Синей? Чтобы исследовать это, как и многое другое, надо вновь приехать на землю ливов, и тогда уже «со всей серьезностью», как подчеркнул организатор нашей поездки Тапио Мякеляйнен.

Использованные источники: статьи Пауля Алвре, Пауля Аристэ, Сандера Лийвака, магистерская работа Кайдо Лауритса, Интервью Керти Тергем с Вальтом Эрнштрейтом, круглый стол медеевистов в газете «Sirp», материалы Интернета.

«Ну и чья же это проделка?»

Экспедиция Эстонской художественной академии к сибирским эстонцам

Мадис Туудер, студент ЭХА

Нынешняя финно-угорская экспедиция Эстонской художественной академии (ЭХА) была во многом знаменательной – а именно, в 1978 году по инициативе профессора Калье Пыллу родилась традиция, которая живет уже 30 лет. Символическим был пункт назначения нашей экспедиции – эстонские и сетуские поселения в Сибири. Экспедиция ЭХА уже занималась изучением проживающих в России эстонцев и в 1999 году, когда посетила проживающих в Башкортостане марийцев и удмуртов. Рядом с ними обнаружили (бывшие) эстонские деревни, по которым, по словам побывавших там, уже прошло колесо истории. Сибирские же эстонцы оказались более жизнестойкими.

2 июля с Балтийского вокзала отправились в путь восемь человек – руководитель экспедиции Кадри Вийрес, нынешние выпускники ЭХА Карри Тийгисоон и Тоомас Паавер, студенты Марге Лааст, Ээлике Вирве и нижеподписавшийся. Кроме студентов ЭХА в группе были двое фольклористов из Эстонского литературного музея – специалист по сету Андрес Кал-

кун и опытная исследовательница восточных эстонцев Ану Корб.

Объекты наших интересов – эстонские и сетуские деревни – расположены в Западной Сибири, на юге Красноярского края, большая часть недалеко от Красноярска, города с почти миллионным населением. Ряд интересующих нас деревень расположен к югу от Красноярска в окрестностях города Абакан, в так называемой Минусинской котловине. Регион весьма интересен как в историческом, так и в географическом плане. Это исконные земли самодийских племен – на сегодня уже вымерших камасицев, моторов и других. Из коренных народов представлены здесь хакасы и тувинцы, титульные республики которых расположены у южной границы края. О прежних племенах свидетельствуют многочисленные наскальные рисунки, с которыми и нам посчастливилось познакомиться.

Большую часть тамошнего населения составляют потомки ссыльных и иммигрантов, поэтому наряду с русскими деревнями здесь встречаются эстонские, латышские, немецкие, мордовские, татарские и чувашские поселения. Через территорию края протекает наиболее важная здесь водная трасса – река

Енисей, на юге края, почти на границе с Монголией находится горный хребет Саяны. Большая часть края гориста и покрыта густыми лесами, окрестности же Минусинска напоминают Южную Эстонию с ее холмистым ландшафтом. Сейчас в Сибири проживают около 10 000 эстонцев и сету (в России в целом около 28 000).

По прибытии на самолете из Москвы в Красноярск нас встречали члены местной эстонской общины, среди них были как уроженцы сибирских эстонских деревень, позже перебравшиеся в город, так и уроженцы Эстонии, направленные сюда на работу после окончания вузов. После короткого знакомства с одним из наиболее значительных центров Западной Сибири – город расположен по обоим берегам Енисея в долине, окруженной живописными горными массивами, по своим природным доминантам он производит идиллическое впечатление – мы разделились на две группы. Одна отправилась в расположенные недалеко от Красноярска сетуские деревни Хайдакки, Нарва и Булатновка, вторая – на юг, в сторону Минусинска и Абакана. Целью последних было добраться до самого жизнестойкого

Верхний Суэтук. Вид на Мяги улицу. Фото автора.

и, наверно, самого известного на родине в Эстонии поселения восточных эстонцев – Верхний Суэтук. Мы очень надеялись также принять участие в праздновании 6 июля (по старому календарю) Янова дня.

Из-за состояния местных дорог и неточных карт найти деревню оказалось непросто. Местный минусинский таксист слышал о такой деревне впервые, поэтому пришлось ехать, доверяясь своей интуиции. После нескольких часов тряски по случайным дорогам между полей мы, наконец, добрались до места. Потный и слегка нервный шофер выразил беспомощности на лице поспешил ретироваться сразу, как только высадил нас у сельской лавки. То, что мы попали в эстонскую деревню, стало ясно уже по дороге, когда из окна автобуса мы увидели посреди деревни немного обшарпанное здание церкви, поскольку на снимках Суэтука именно вид с церковью доминирует.

Итак, мы оказались в самом большом из сохранившихся на сегодня эстонских поселений вне Эстонии, которое недавно отмечало свое 150-летие. Как и многие здешние деревни, Суэтук появился на свет благодаря ссыльным, причем поначалу это было финское, затем финско-эстонское смешанное поселение. Последний финн, некто по имени Пааво, скончался несколько лет назад. В настоящее время в деревне проживают 200 человек, среди которых лишь пара десятков не эстонцы. Примерно полсотни лет назад здесь насчитывалось даже до тысячи жителей, большая часть покинувших деревню проживает теперь в Эстонии, многие переселились в районный центр Каратус (рус. Каратузское), а также в более значительные города Минусинск и Абакан. Присутствие эстонцев в Каратузском районе весьма заметно, многие здешние «бояре» из эстонцев, в масштабе района они занимают сельским хозяйством и пекарским производством, даже руководит районом эстонец.

Мы, конечно, знали о существовании такой деревни, но все же было довольно неожиданно на деревенской улице услышать эстонскую речь из уст мужиков, которые толпились у магазина. Вскоре появилась молодая мать, которая в поисках сына позвала по-эстонски:

«Юку, Юку, иди домой...!» Скажем честно, первое впечатление было ошеломительным.

Нас разместили в бывшем детском саду, где теперь находится библиотека и столовая доживающей свои дни школы (еще несколько лет назад здесь учились 50 детей, сейчас около 20). В это время «по приказам» деревенского старосты Эрнста Лелле на танцплощадке рядом шли приготовления к костру Яновой ночи. На праздник из Эстонии прибыл священник-опекун местного прихода Яанус Ноормяги. В советское время церковное здание использовалось как клуб, но вот уже 15 лет в нем проводятся богослужения, хотя и эта традиция потихоньку умирает. С этого года вместо священника Ноормяги все более рedeющий приход опекает местный ингерманландец отец Вячеслав, что по сути ликвидирует богослужение на эстонском языке. По Ноормяги, которого в деревне относят как к святому, по-настоящему тоскуют только представители старшего поколения. Многие из них признавались, что посещать церковь они еще в силах, но молебен на русском языке понимают плохо.

Когда-то деревня рассеянного типа состояла из разбросанных по окружающим холмам хуторов, но в результате сталинских реформ они были сведены в деревню-улицу, которая со своими сбитыми избами и гуляющим по улице скотом напоминает скорее романтическую русскую захолустную деревню. Если устное наследие и, главное, носитель его родной язык жители сохраняют, то быт местных эстонцев в основном заимствован у окружающих русских. Тем удивительнее в такой среде слышать ясный и почти без акцента эстонский язык. Поскольку основными поселенцами были когда-то уроженцы Северной Эстонии, тамошний язык довольно близок к современному эстонскому языку на родине. Слегка чувствуется и влияние финского языка – след ассимилировавшихся в эстонской среде финнах. Когда-то незаселенные земли эстонцы поместили своими названиями. В деревне и недалеко от нее находятся Садуламяги, Мунамяги, Папимяги, а также Папярв, Андресе ярв, действуют такие названия улиц, как Пийбуотс и Саарепаалне.

Янов день оказался неожиданно

очень родным. Праздник начался после вечерней дойки, т.е. на закате солнца. Янов костер в окрестностях Суэтука очень популярен. Полчища гостей пришли повеселиться из соседних русских деревень. Ко многим приехали в гости родственники из Эстонии, уроженцы этих мест. Развлекал публику в основном духовой оркестр, в котором играли деревенские ребята. Уже 30 лет с неиссякаемым энтузиазмом руководит оркестром деревенский староста Лелле Эрни (Эрнст). Чтобы костер хорошо горел и искрился, он был сложен из свежих берез. Праздник продолжался почти до утра, на следующий день весь сельский люд до последнего человека был на кладбищенском празднике, причем как незаменимый коллектив присутствовал там и духовой оркестр. И костер Янова дня, и кладбищенский праздник по сути представляют собой «сход родственников». Это повод для того, чтобы разбросанные по району, краю и континенту родственники и знакомые раз в году могли собраться вместе. Для некоторых это единственное место, где они могут поговорить на родном языке.

Несмотря ни на что, преемственность Суэтука воспринимается как своего рода феномен. Преимущество деревни, видимо, состоит в тотально периферийном месте расположения, что в свою очередь превращает поселение в анклав с довольно закрытым сообществом. Поэтому в деревне не много посторонних. Трудлюбие и активная светская жизнь жителей – 100-летний оркестр, восстановленный приход, через родственников постоянный контакт с Северо-Западной Эстонией – способствовали сохранению определенного подсознательного чувства самоуважения. Если на бытовом уровне отличий почти не наблюдается, то в отношении менталитета жители Суэтука выделяются среди соседей, причем иными и лучшими считает себя и молодежь, которая осталась в деревне.

Может быть, дело здесь в максимализме молодых, но шуточка эстонских парней над своими русскими друзьями, которые по-эстонски не понимают, говорят об определенном превосходстве и это вселяет надежду. У суэтуцких ребят – самые быстрые «моторы» и самый

лучший самогон. За самогоном ездят и к соседям, но лучший товар в своей деревне. В коляске «мотора» всегда есть «ваучер» (литровая пластиковая бутылка) с выпивкой и несколько помидоров на закуску. Да ведь и делать в деревне вечером больше нечего. У суэтуцких парней одна проблема – девушек нет. При надобности их привозят из других деревень, свои отсутствуют, потому что их мало рождается. Да и в город они уезжают проворнее. Такое положение не обнадеживает. В прошлом году в Суэтуке родился лишь один ребенок.

Затем мы посетили еще одну деревню Каратузского района, примерно в 80 километрах от предыдущей – Юлем-Пулан (называют еще Виру-Пулан, рус. Верхняя Буланка). Картина там гораздо более грустная, хотя ярких личностей в этой деревне с населением не более 50 человек встречается больше, чем в Суэтуке. В Пулане школы уже нет, пару десятилетий назад сгорела церковь, о некоторых избах напоминают лишь заросли крапивы на обочине дороги. Большая часть жителей перебралась в соседнее село Моторск (кстати, не напоминает ли это название о возможном проживании здесь когда-то моторских племен?), оставшаяся моло-

дежь уже стремится говорить по-русски.

Запомнился общий десант в семью Леэр, где после нескольких стопок крепкого хозяйка завела песню, а хозяин, явный жизнелюб, принялся ругать русскую власть. Ударной фразой прозвучал вопрос высоковозрастного сына: «Ну и чья же это проделка?», прозвучавший, когда после опорожнения рюмок у кого-то она осталась наполовину полной. Несмотря на веселые приключения, которых было немало, у меня невольно возникла мысль, захочу ли я лет через двадцать посетить сейчас еще полный жизни Суэтук, где своих девушек очень мало да и юношей работа водителя автобуса в Минусинске больше привлекает, чем гнуть спину в поле родного села.

До окончания экспедиции мы посетили еще деревню Уус-Петсери (рус. Новая Печора). Она находится под боком у засекреченного города Зеленогорск, кодовое название Красноярск-45, поэтому искать ее по карте было бессмысленно. И все же нам удалось на рейсовом автобусе с затемненными окнами, по местным меркам очень модном, по дороге в атомный город довольно близко подъехать к деревне.

На этот раз мы имели дело с

эстонско-сетуским смешанным поселением, причем эстонцев и сету в свое время разделяла даже изгородь посреди деревни. К настоящему времени плавильный котел свою работу сделал, кроме того, благодаря близости плотно заселенному региону и городу деревня привлекательна и для русских, которые составляют уже почти половину ее населения. Эстонская молодежь на родном языке уже не говорит, поэтому парадоксальное впечатление оставила ссора на улице молодой семьи, когда ругань на русском языке перемежалась довольно крепкими эстонскими выражениями. И это несмотря на то, что в русском языке те же выражения звучат более красноречиво и конкретно.

В итоге можно отметить, что сибирские эстонцы живы. И хотя в результате неизбежного процесса они постепенно исчезают, но в виде знаков должны сохраниться. Перед отъездом из Уус-Петсери выяснилось, что молодой Зеленогорск с не сложившимися еще традициями недавно нашел себе неизвестно где своеобразную моду отмечать праздники – на окраине города зажигается костер, и собравшиеся танцуют вокруг него.

Пять дней в Удмуртии вместе с хвостом, рогами и словами

Юве МалOVERьян
Учреждение «Фенно-Угрия»

Мы с Райни уже несколько дней вместе возвращаемся из школы домой. На ногах калоши и пробираемся между гусей по деревенской улице в поисках места посуше. Дождь идет непрерывно.

Моя спутница Райни уже на второй день заболела. Однако от предлагаемой Галей кумышки она отказывается, говорит, «для ее брюха это слишком здорово», и таблетки не принимает. Тетя Галя беспокоится. Кстати, Райни одного возраста с Галей, 60 или 61. Но она просто финская женщина, Галя же удмуртская старушка.

Оля, дочь Гали, говорит, что ее мама потому выглядит старше Райни, что живет одна, и мужа у нее нет. Возможно. А может быть, постоянная работа изнуряет человека, думаю я. Галя пашет повсюду. В школе она повариха, дома ждут ее

две козы, кролики, пчелы и расшатанное хозяйство.

Жилье у Гали, наверно, обычное для Удмуртии. Дом с тремя торцевыми окнами, внутренний двор, баня и летняя кухня, уборная с

дыркой в полу во дворе. «Ты когда-нибудь видела такое?» спрашивает меня Райни. Говорю, не беда, у нас тоже еще есть нужники. Потом задумываюсь, все-таки у нас в нужнике обычно можно сесть, дырка в полу это скорее восточная мода.

Мы с Райни в местной школе учим удмуртский язык. «Кин тон, кытыс тон?», повторяем вечером, сидя вместе с Галей за чаем. Я, правда, больше учу финский язык, потому что Райни русского не знает, а по-английски говорить между собой смысла нет, если и так все почти понятно. Все-таки родственные народы.

Название мероприятия – Финно-угорская летняя школа. Съехалось много молодежи, гимназистов вроде бы даже больше, чем студентов. Ведь они стремятся к своим корням. Для этого избран следующий метод: сидят целый день и обсуждают, а потом пишут проекты. Современная жизнь ведь состоит из проектов.

Мы с Райни и ее друзьями – учителями Янне, Гийной и Хеленой чувствуем себя в этой компании как-кими-то пришельцами. К счастью, нам нашли занятие – мы изучаем удмуртский язык. Один раз все же прогуляли, взяли школьный автобус (такой классический колхозный автобус) и поехали на экскурсию в столицу Ижевск.

Посетили и Сарапуль, такой милый городок на берегу Камы. Правда, удмурты там, говорят, не живут, это скорее выглядит как еврейский торговый городок.

На обратном пути, когда мы проезжали через какую-то деревню, Янне меня спросил: «Как ты думаешь, Юве, если бы мы жили здесь всю свою жизнь? Вот так вот вдвоем в этой деревни, с рождения и до смерти...» Еще Янне все время допытывается, было ли в советское время в Эстонии все так же, как здесь в Удмуртии. В Удмуртии, в музее Калашникова я смогла даже его обрадовать, рассказав, как в пятом классе такие автоматы мы всё разбирали и собирали снова. Мне помнится, я была в этом деле просто профессионал.

Дни тянутся страшно медленно. Каждое утро, просыпаясь под тарарам Галиных внуков, считаю, сколько дней еще осталось. Одним вечером отправляю своему другу sms-ку с пожеланием, чтобы у него был хвост. «Хвост и рога – это непременно что-то древнее финно-угорское», думается мне.

В последний день в школе обсуждаются проекты и произносятся речи. Все, конечно, говорят, говорят и говорят. Здесь все – поэты, писатели и важные преподаватели. Меня всегда удивляло умение русскоговорящих людей для передачи какой-нибудь одной мысли находить сразу так много слов, но на этот раз я была просто поражена. В учительской я спросила у Ларисы, которая здесь почти что министр, почему это так. Она ответила, что удмурты все и есть писатели, художники и деятели культуры.

В конце, у свободного микрофона, когда зазвучали слова благодарности, я смогла даже выступить с предложением, что в другой раз в ходе такого мероприятия мы могли бы предпринять и что-нибудь практическое. Мысленно добавляю: например, построить для тети Гали приличный туалет.

Однако – нужно ли это непременно? Слова так же прекрасны, как прошлое, которого можно коснуться рукой, колхозный автобус и сельская дорога.

Долгая дорога марийских детей в лагерь отдыха Клоогаранд

Владимир Козлов (Лайд Шемьер)
Организатор марийско-эстонских контактов

В эти два месяца, что ушли на подготовку поездки марийских детей и взрослых в Эстонию, мне пришлось чувствовать себя то великим человеком, то карликом.

Великим – оттого, что есть на свете такой народ – марийцы, которые могут самоорганизоваться несмотря ни на что: хотя в экономическом плане мы слабоваты от других родственных народов, но внутренне стойки.

Поездка была целиком подготовлена на уровне народной дипломатии такими общественными организациями, как Всероссийский марийский совет Мер Канаш и Центр-музей им. Валентина Колумба.

Выбирали самых одаренных детей из Республики Марий Эл и марийских селений в других регионах. Не смогли поехать только марийцы из Башкортостана, потому что один из них заболел, а другой без него не решился отправиться так далеко.

Наиболее сложным организационным вопросом на этот раз оказалось оформление иностранных паспортов, так как для этого оставался лишь месяц. А из-за отсутствия паспортов задерживались получение виз и покупка железнодорожных билетов. Однако, в конце концов все удалось уладить.

Это мероприятие научило многих марийских детей и взрослых, кроме прочего, изыскивать источники финансирования. Селянам было бы не под силу предпринять поездку в Эстонию, поэтому они обращались за поддержкой как в местные органы самоуправления, так и к различным спонсорам, и получили ее.

Я встречал ребят по возвращении и видел их радостные лица, несмотря на усталость после суток, проведенных в поезде Санкт-Петербург – Йошкар-Ола. Это я понял позже по своим дочкам.

Поначалу мы собирались отправить в Эстонию только нашу старшую дочь Айвику, которая в течение семи лет активно участвовала в рабо-

те марийской театральной студии «Воштончыш». Вторая дочь оказалась в группе в последний момент, когда из-за вступительных экзаменов в Воронеже отказался от поездки Алексей Очетов. В прошлом году этот юноша занял первое место на конкурсе марийской поэзии, и мы хотели премировать его.

Не смогла поехать и еще одна девочка, ученица известной экспериментальной национальной школы в деревне Верх-Ушнур. Эту школу обычно демонстрируют всем посла иностранным государствам и другим важным персонам, чтобы те убедились, в каких прекрасных условиях учатся марийские дети. У девочки уже был иностранный паспорт и деньги на поездку, выделенные школой, но ее мать вдруг заявила, что не отпустить свою дочь одну в какую-то Эстонию. Не знаю, что повлияло на ее решение.

Все дети были просто в восторге от поездки и отдыха и рассказывали, как хорошо их принимали и как они подружились с местными ребятами. Расставаясь друг с другом на вокзале, они почти плакали, хотя

Марийцы на экскурсии по городу. Фото: Эха Вилуоя

поначалу общаться с эстонскими детьми было нелегко из-за различий в менталитете и воспитании.

Даже взрослые позже обменивались между собой эстонскими фразами. Моя младшая дочь Ирга целую неделю отправляла SMS-ки на эстонском языке, и я уже устал их переводить. Теперь она выясняет, где в Йошкар-Оле можно изучать эстонский язык.

Один из взрослых участников поездки позже пришел поблагодарить меня, отметив, что никогда

раньше не отдыхал так сердечно. А самая младшая, Надюша из Волжского района, стала знаменитостью на своей малой родине. 1 сентября она рассказывала о поездке в классе и призывала всех участвовать в поэтических конкурсах.

Марийское телевидение посвятило поездке отдельную передачу, после которой мне весь вечер звонили люди и выражали свое одобрение. В газетах тоже публиковался материал о путешествии в Эстонию. Позже я слышал, что марийцы намере-

ны в следующем году пригласить эстонских детей на отдых в Республику Марий Эл.

Марийско-эстонский детский лагерь отдыха стал возможным благодаря сотрудничеству Эстонского союза защиты детей и Учреждения «Фенно-Угрия», проект поддержало Министерство иностранных дел Эстонии. Вместе с 13 марийскими детьми в лагере отдыхали и эстонские дети из Тартумаа.

Почему меня тянет обратно в Удмуртию

Ингмар Вийрес, школьник

Я участвовал во всех поездках в удмуртский лагерь отдыха, организованных Учреждением «Фенно-Угрия». Всего их было три. Я задумался, что же меня так притягивает там, но однозначного ответа не нашел. Расскажу о поездке подробнее.

Поскольку лагерь особенно не рекламировался, в основном в поездках участвовали свои. Компания каждый год была небольшой – до 12 человек. Двухдневное путешествие по железной дороге до Ижжара – достаточное время, чтобы сдружиться с попутчиками. Да и теснота в купе способствует веселому настроению.

Я говорю только за себя, но столица Удмуртии, которая выглядит по-

советски, отвечает моему странному вкусу. Мы не смогли побродить по городу, поскольку сразу с поезда нас отвезли в лагерь отдыха, расположенный за пределами города. После прибытия мы получили пару часов, чтобы распаковать вещи, и это были последние свободные часы в лагере. Вечером того же дня началась гонка по выполнению программы.

Поскольку это был единственный чисто удмуртский лагерь, основное внимание в программе уделялось национальной культуре. Утром мы работали в мастерских, ориентированных на традиционные ремесла. После этого проводились мероприятия, не менее трети которых было связано с народными обычаями, что уже свидетельствует об их богатстве. Вообще такая самоотдача и организованность показывают

стремление наполнить содержанием все лагерные дни, почти без передыха. Находясь там, скучать просто не было времени, было интересно и здорово.

В лагере учишься отдавать себя целиком, например, в мастерских под руководством прекрасных мастеров. А особенно при выступлениях, на подготовку к которыми отводилось не более двух часов. На сцене же на глазах у публики нельзя было опозориться.

Особо отмечу питание: пять раз в день. Это было что-то совсем новое. Правда, обходиться нужно было только ложкой, но это несмертельно (так, вероятно, и предполагалось). Бытовые условия вполне удовлетворительные. Когда едешь в первый раз, предполагаешь худшее, и тебя ждет приятный сюрприз.

Сами люди дружелюбны и открыты, в этом они сильны. Языком общения служит русский, насколько мы можем на нем объясняться, английский звучит реже. Уместных, к счастью, хватает терпения, чтобы объяснять нам снова и снова. Кроме того, с нами наши милые воспитатели, которые русским языком владеют. Местные воспитатели сами лет двадцати с небольшим и истинные активисты. Их могут остановить только пределы собственной фантазии.

По дороге – и туда, и обратно – у нас было время побродить по Москве. Эстонское посольство несколько раз шло нам навстречу, предоставляло транспорт, хранилище для багажа, возможности помыться и вкусный обед. За короткое для большого города время мы ежегодно посещали сувенирные магазины старого Арбата, бывали на Красной площади, на Воробьевых горах около МГУ и на Новодевичьем кладбище, где похоронены многие знаменитости.

Покидать лагерь всегда грустно, особенно из-за расстояний (где еще смогу я увидеть друзей – только через год там же), организованности (честное слово, за все время я не разу не скучал), чувства удовлетворения тем, что хорошо сделано (работа в мастерской, развитие эстонской культуры). Со своей стороны мы могли предложить, по крайней мере, свое национальное самосознание и дружбу (а также свои сердца).

Финно-угорский молодежный лагерь на Хийумаа

Удмуртские дети в августе нанесли ответный визит в Эстонию и отдыхали в организованном «Фенно-Угрией» финно-угорском молодежном лагере в Кыпу, на острове Хийумаа. Этому мероприятию оказали поддержку Совет налогового обложения азартных игр и Программа родственных народов, организовать лагерь помогало объединение «Pylades Laagrid».

Руководитель удмуртской делегации Татьяна Ишматова позже прислала в адрес «Фенно-Угрии» благодарственное письмо:

«Мне хотелось бы Вас очень поблагодарить за предоставленную возможность приехать в Эстонию. Это было как в сказке. Мне нравится эта природа, ваше доброе отношение к нам и понимание. Для меня было это время

интересным и незабываемым. Я люблю Эстонию, люблю мальчиков и девочек, которые были в лагере. И еще мне хочется сказать: я счастлива, что вы оказались в моей жизни. Я не верила, что люди из разных уголков мира могут таким образом найти друг друга. У меня ощущение, что мы все из одной семьи. И наши дети очень счастливы, они говорят, что этот год был изумительным!»

Увидел свет «Финно-угорский календарь 2008—2009»

Издан уже пятый выпуск «Финно-угорского календаря», подготовленный совместными усилиями некоммерческого учреждения «Фенно-Угрия» и Эстонской художественной академии, на этот раз на два следующих года.

Год 2008 посвящен 30-летию финно-угорских экспедиций Эстонской художественной академии и в качестве иллюстраций содержит экспедиционные фотографии и отрывки из экспедиционных дневников участников. Послесловие написано инициатором этих экспедиций эмерит-профессором ЭХА Калье Пыллу.

Календарь 2009 года посвящен 80-летию Учреждения «Фенно-Угрия». На фоторафиях видим различные узоры, как на текстиле, так и по дереву. Календарь иллюстрирует также тексты финно-угорского фольклора. Послесловие написано руководителем Центра финно-угорских народов «Фенно-Угрии» Яком Прозесом.

В календаре представлены странички саамов, хантов, удмуртов, коми, эстонцев, карелов, мордвы, венгров, ливов, вепсов, марийцев и сету. Издание снабжено также картой распространения финно-угорских народов.

Издатель:

Некоммерческое учреждение
«Фенно-Угрия»
Роосикрантси 6
10119 Таллинн, Эстония
Тел. +372 644 5119
Тел./факс +372 644 9270
info@fennougria.ee
www.fennougria.ee

Редакция: Керсти Сеппер, Юве МалOVERьян,
Як Прозес, Эха Вилуоя, Сийри Риес
Перевод: Татьяна Никитина